

его нужно рассматривать в связи с другими фактами, в которых проявилась деятельность партии. *Первоприсутствующий.* Злодеяние 1-го марта — факт действительно принадлежащий истории, но суд не может заниматься оценкой ужасного события с этой стороны; нам необходимо знать ваше личное участие, по этому о вашем к нему отношении, и только о вашем, можете вы давать объяснения. *Подс. Желябов.* Обвинитель делает ответственными за событие 1-го марта не только наличных подсудимых, но и всю партию, и считает самым событием логически вытекающим из цблей и средств, о каких партия заявляла в своих печатных органах.

Первоприс. Вот тут-то вы и вступаете на обвинительный путь, на что я вам указывал. Вы имете право объяснить свое участие в злодеянии 1 марта, а вы стремитесь к тому, чтобы войти в объяснение отношения к этому злодеянию партии. Не забудьте, что вы собственно не представляете для Особого Присутствия лицо уполномоченное говорить за партию, и эта партия для Особого Присутствия, при обсуждении вопроса о вашей виновности, представляется несуществующей. Я должен ограничить вашу защиту теми пределами, которые указаны для этого в запови, т. е. пределами фактического и вашего гражданского участия в данном событии, и только вашего. В виду того однако, что прокурорская власть обрисовала партию, вы имете право объяснить суду, что ваше отношение к известным вопросам было иное, чем указанное обвинением отношения партии. В этом я вам не откажу, но выслушивая вас, я буду следить за тем, чтобы заседание Особого Присутствия не слыхало мнений для теоретических обсуждений вопросов политического свойства, чтобы на обсуждение Особого Присутствия не предлагались обстоятельства, прямо к настоящему делу не относящиеся, и главное, чтобы не было сказано ничего такого, что нарушает уважение к закону, властям и религии. Эта обязанность лежит на мне, как на председателе, а исполню ее.

Подс. Желябов. Первоначальный план защиты был совершенно не тот, которого я теперь держусь. Я предполагал быть кратким и сказать только несколько слов. Но в виду того, что прокурор пять часов употребил на извращение того самого вопроса, который я уже считал выясненным, мне приходится считаться с этим фактом, и я полагаю, что защита в этих рамках, как вы мне теперь определяете, не может пользоваться той свободой, какая была предоставлена раньше прокурору.

Первоприс. Такое положение создано вами существующими пределами предъявленного обвинения и характером того преступления, в котором вы обвиняетесь. На столько однако на сколько представляется вам возможность, не нарушая уважения к закону и существующему порядку, пользоваться свободой прений, вы можете ею воспользоваться.

Подс. Желябов. Чтобы не выйти из рамок, вами определенных, и вместе с тем не оставить свое дело необороненным, должен остановиться на тех вещественных доказательствах, на которых здесь ссылается прокурор, а именно на разных брошюрах, направленных на брошюры Морозова и литографированную рукопись, имевшуюся у меня. Прокурор ссылается на эти вещественные доказательства. На каком основании? Во-1-х, литографированная программа социалистов-федералистов найдена у меня. Но ведь эти вещественные доказательства нахолись в данный момент у прокурора. Им же ли я должен иметь право сказать, что они суть плоды его убеждения, поэтому у него и находятся? Неужели один лишь факт нахождения литографированной программы у меня, свидетельствует о том, что это мое собственное убеждение? Во-2-х, и в-3-х, Морозов написал брошюру. Я ее не читал; сущность ее я знаю; в ней, как партия, мы относимся отрицательно, и просили эмигрантов не пускаться в суждения о задаче русской социально-революционной партии, пока они за границей, пока они безотечественны. Нам делают ответственными за взгляды Морозова, служащие отголоском прежнего направления, когда действительно некоторые из членов партии, узко смотря на вещи, в роде Гольденберга, полагали, что вся наша задача состоит в расчистке пути через частные политические убийства. Для нас в настоящее время отдельные террористические акты занимают только одно из мест в ряду других задач, намечаемых ходом русской жизни. Я тоже имю право сказать, что я русский человек, как сказал о себе прокурор. (В публичном движении, ропот недовольства и шипения. Желябов на несколько мгновений останавливается. Затем про-

должает). Я говорил о цблях партии. Теперь скажу о средствах. Я желаю бы предпослать прежде малый исторический очерк, следуя тому пути, которым шел прокурор. Всякое общественное явление должно быть познаваемо по его причинам, и тем сложнее и серьезнее общественное явление, тем взгляд на прошлое должен быть глубже. Чтобы понять ту форму революционной борьбы, к какой прибегает партия в настоящее время, нужно познать это настоящее в прошедшем, партия, а это прошедшее имется; немногочисленно оно годами, но очень богато опытом. Если вы, государи, взглянете в отечественные политические профессах, в эту открытую книгу бытия, то вы увидите, что русские народолюбцы не всегда действовали метательными снарядами, что в нашей деятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виновны.

Первоприс. Подсудимый, вы выходите из тех рамок, которые я указывал. Говорите только о своем отношении к делу.

Желябов. Я возвращаюсь. И так, мы, перепробовав разные способы действовать на пользу народа в начале 70-х годов, выбрали одно из средств, именно положение рабочего человека, с целью мирной пропаганды социалистических идей. Движение крайне безобидное по средствам своим, и чем оно окончилось? Оно разбилось исключительно о многочисленные преграды, которые встретило в лице тюрем и ссылки. Движение совершенно безкровное, ордергавшее насилье, не революционное, а мирное — было подавлено. Я принимал участие в этом самом движении, и это участие поставило меня прокурором в вину. Я желаю выяснить характер движения, за которое несусь в настоящее время отъезжая; это имет прямое отношение к моей защите.

Первоприс. Но вы были тогда оправданы.

Желябов. Тем не менее прокурор ссылается на признание мое к процессу 193-х.

Первоприс. Говорите в каком случае только о фактах, прямо относящихся к делу.

Подс. Желябов. Я хочу сказать, что в 1873, 1874 и 1875 годах я еще не был революционером, как определяет прокурор, так как моя задача была работать на пользу народа, ведя пропаганду социалистических идей. Я касался в то время не революции, политики касался я весьма мало, товарищи — еще меньше. В 1874 году в государственные выборы мы в то время были действительно анархистами. Я хочу подтвердить слова прокурора. В рчи его есть много верного. Но верность такая: в отдельности ватое частичками — правда, но правда взата из разных периодов времени, и затм составлена из нее комбинация совершенно произвольная, от которой остается один только кровавый туман.

Первоприс. Это по отношению к вам?

Подс. Желябов. По отношению ко мне. Я говорю, что все мои желания были действовать мирным путем в народе, тем не менее я очутился в тюрьме, где и революционизировался. Я перехожу во втором периоде социалистического движения. Этот период начинается... Но по всей вероятности я должен буду отказаться от мысли принципиальной защиты и вероятно закончу рчи пресбыю к первоприсутствующему такому содержанию: чтобы рчи прокурора была отмечана с точностью. Таким образом она будет отдава на суд общественный и суд Европы. Теперь я сделаю еще попытку. Не продолжительный период нахождения нашего в народе показав всю ложность, все доктринерство наших стремлений. С другой стороны убивая, что в народном сознании есть много такого, за что следует держаться, на чем до поры до времени следует остановиться. Считаю, что при этих препятствиях, как я ставлю правительство, невозможно провести в народное сознание социалистические идеалы цблостью, социалисты перешли к народникам. Мы ршились действовать во имя сознаниях народом интересов уже не во имя чистой доктрины, а на повя интересов, присущих народной жизни, им сознательных. Это отличительная черта народничества. Из мечтателей-метафизиков оно перешло в позитивизм, и держалось почва — это основная черта народничества. Дальше. Таким образом измнился характер нашей деятельности, а вместе с тем и средства борьбы, — пришлось от слова перейти к делу. Вместо пропаганды социалистических идей выступает на первый план агитационное возбуждение народа во имя интересов, присущих его сознанию. Вместо мирного слова мы сочли нужным перейти к фактической борьбе. Эта борьба всегда соответствует количеству накопленных сил. Прежде всего ее ршились пробовать на мелких фактах. Так дело шло до 1878 года. В

1878 году впервые, насколько мне известно, явился мысль о борьбе более радикальной, явились помисли разбить Гордиев узел, так что событие 1-го марта по замыслу нужно отнести прямо к началу 1877-1878 годов. В этом отношении 1878 год был переходный, что видно из документов, например брошюры: „Смерть за смерть“. Партия не уяснила еще себе вполне значения политического строя в судьбах русского народа, и хотя в условиях наталкивали ее на борьбу с политической системой. *Первоприс.* Вы опять говорите о партии. *Подс. Желябов.* Я принимал участие в ней. *Первоприс.* Говорите только о себе. *Подс. Желябов.* Все толкало меня в том числе на борьбу с правительственной системой. Тем не менее я еще летом 1878 года находился в деревне, действуя в народ. В зиму 1878—79 года положение вещей было совершенно безвыходное, и весна 1879 года была проведена мною на юге в заботах, относившихся прямо к этому рода предприятиям. Я знал, что в других местах товарищи озабочены тем же, в особенности на севере, что на севере этот вопрос даже породил раскол в тайном обществе, в организации „Земли и Воли“, что часть этой организации ставит себе именно ту задачу, как и я с некоторыми товарищами на юге. Отсюда естественно сближение, которое перешло на липецком съезде в слияние. Тогда впервые, а затм часть южан собравшись в лиц своих представителей на съезде, определили новое направление. Решения липецкого съезда были вовсе не так узки, как здесь излагалось в обвинительной рчи. Основным положением новой программы была такова: политический строй.

Первоприс. Подсудимый, я ршительно пишу вас слова, потому что вы не хотите следовать моим указаниям. Вы постоянно впадаете в изложение теории.

Подс. Желябов. Я обвиняюсь за участие на липецком съезде.

Первоприс. Нет, вы обвиняетесь за совершение покушения под Александровском, которое, как объясняет обвинительная власть, составляет подлбствие липецкого съезда.

Подс. Желябов. Если только я обвиняюсь в событии 1 марта и в том же в покушении под Александровском, то в таком случае моя защита сводится к заявлению: да, так как фактически это подтверждено. Годое признание факта не есть защита.

Первоприсут. Отношение вашей воли к этому факту.

Подс. Желябов. Я полагаю, что уяснение, того пути, каким развивалось мое сознание, идея, вложенная в это предприятие.

Первоприс. Объяснение ваших убеждений, вашего личного отношения к этим фактам я допускаю. Но объяснения убеждений и взглядов партии не допускаю.

Подс. Желябов. Я этой рамки не понимаю.

Первоприс. Я прошу вас говорить о себе, о своем личном отношении к факту, как физическому, так и нравственному, об участии вашей воли, о ваших действиях.

Подс. Желябов. На эти вопросы кратко, я отвечаю в начале судебного заседания. Если теперь будет мне предоставлено говорить только кратко, затм тогда повторяться и обременять внимание суда.

Первоприс. Если вы больше ничего прибавить не имеете.

Подс. Желябов. Я думаю, что я вам сообщил скелет. Теперь желаю бы положить душу.

Первоприс. Вашу душу, но не душу партии.

Подс. Желябов. Да, мою. Я участвовал на липецком съезде. Решения этого съезда определили ряд событий, в которых я принимал участие и за участие в которых я состою в настоящее время на скамье подсудимых. По сколько я принимал участие в этих решениях, я имю право касаться их. Я говорю, что намечена была задача не такая узкая, как говорит прокурор: повторение покушения, во что бы то ни стало. Задача на липецком съезде поставленная, была вовсе не так узка. Основное положение было такое, что социально-революционная партия — я в том числе — это мое убеждение — должна убить часть своих сил на политическую борьбу. Намечен был и практический путь: это путь насильственного переворота путем заговора, для этого организация революционных сил в самом широком смысле. До тех пор, я лично не видел надобности в кривой организации. В числе прочих социалистов я считал возможным действовать, опираясь по преимуществу на личную инициативу, на личную предприимчивость, на